

Это диалог с самим собой. Чтобы читатель не обвинил меня в саморекламе, скажу, что инициатива исходила от "Свободного Сахалина". Поразмыслив, я решил, что выступить под рубрикой "Человек" имею право, ибо человек же я все-таки, а не какой-нибудь лютой зверь. Ну а раздвоение личности - это прием испытанный. В каждом из нас заложено несколько "я", вечных спорщиков и противников, причем иногда неизвестно, какой из них истинный.

- Вот Я (подлинный) заявляю, что родился в разгар сталинских репрессий в сибирском городке Сталинске, ныне Новокузнецке. Едва появился на свет, легкомысленно подмигнул молоденькой акушерке: мол, привет! - а через пару недель стал требовать у матери не грудного молока, а свежего бочкового пива. И тут же слышу ЕГО голос:

- Брось ерничать! Лучше вспомни суровые военные годы, беспризорное, по сути, детство: отец на фронте, мать - врач сутками пропадает в госпитале, а ты околачиваешься по подворотням, подъездам и подвалам. Было такое?

- Было. Но это в общем-то банально. А вот запомнилось другое: как уже в те годы начал проводить первые "творческие встречи": рассказывал ровесникам во дворе бесконечную историю - смесь из Фенимора Купера, Луи Бессенара и Майн Рида.

- Причем врал безбожно! Нес отсечу!

- Не без этого. Но ведь слушали! Я уже тогда, кажется, понял, что в сочинительстве важно быть искренним и убедительным. Самый большой враг любого произведения - устный или письменный - занудство. Как же я ненавидел школьные уроки! Школа казалась казематом, откуда хотелось вырваться на вольную волю. И это прекрасное событие произошло в далекком 54-м на Урале, где тогда жила семья.

- И в аттестате по всем предметам, кроме литературы, тройки. Бездарь!

- Ну и что? Жизнь, я считаю, не определяется школьными отметками. Куда важнее чувствовать свое предназначение. Я хотел писать. Без этого не виделось никакого будущего. И потому сразу после школы - редакция городской газеты "Орский рабочий", а попутно - заочная учеба на факультете журналистики Уральского университета.

- Да-а, помню я твой мощный газетный дебют - заметку "С трудовым подъемом".

- А чего ты хочешь? Пора была такая, что в прессе господствовал штамп. Живого слова и свежей мысли боялись, как чумы или проказы. У меня не было жизненного опыта. Но была жуткая охота к перемене мест. Так начался долгий путь на Сахалин - через таежную Эвенкию, тундровый Таймыр, горы и долины Средней Азии. Помнишь, поди?

- Никогда не одобрял этого бродяжничества...

- А я не представляю журналиста-домоседа или писателя в "башне из слоновой кости". Движение - естественное состояние человека творческого... И свобод. Сахалин. - 1994. - И. Чоло.

- Особенно если оно сопровождается бурными застольями во всех географических точках, да?

- А что застолья? Застолья - это дружеские встречи, новые знакомства. Это всплеск эмоций, переключки голосов и мыслей. Несообщительный литератор, как правило, смертельно скучен и в своих сочинениях.

- Ну-ну... Известна твоя любовь к пивным цистернам и "комкам". Лучше объясни, почему, рассчитывая прожить на Сахалине два-три года, ты задержался на два десятилетия?

- Будто сам не знаешь, почему. Такой приятельнейшей оказалась эта земля. Оброс приятелями, друзьями. Влюбился в местную природу. Получил, так сказа-

Анатолий ТОБОЛЯК: ТОЛЬКО ОДИНОЧЕСТВО БЫВАЕТ ПЛОДОТВОРНЫМ!

Поскольку известный сахалинский писатель Анатолий ТОБОЛЯК - человек, владеющий литературным словом не хуже журналиста (тем более, что сам он выходец из журналистики), "Свободный Сахалин", не мудрствуя лукаво, просто предложил ему организовать интервью с самим собой и избавить таким образом штатных сотрудников редакции от лишнего труда.

ть, сахалинское гражданство. Это уже навсегда, двойничок! На местном погосте мы и успокоимся.

- Не каркай! Припомни сперва, как предал журналистику и переметнулся в литературу.

- Журналистике благодарен и верен до сих пор. А писательство... Знаешь ведь, как бывает. Дитя взрослеет. Ему надоедает кричать "уа-уа". Хочется сказать "мама", "папа" и другие интересные слова. Вот так и со мной. Произошел качественный переход в иное состояние.

Начал я со сборника стихов. С прозой же получилась заминка. Первые рукописи, как водится, возвращались из редакции. Литературные тети и дяди находили все что угодно - нигилизм, нонконформизм... страшные слова по тем временам. Безобидная, кажется, повесть "История одной любви" преодолела немало препон и рогаток, прежде чем появилась на страницах журнала "Юность". Почему она имела успех и стала в дальнейшем книжкой, пьесой, кинофильмом и, кажется, даже либретто к балету? Видимо, в ней была какая-то правда жизни, которая требовалась читателю.

Ведь боязнь правды в издательствах и журналах была патологической! Помнишь, доходило до курьезов... Одна ответственная дама-редакторша

ужаснулась, что героиня повести "Откровенные тетради", недавняя выпускница школы, посмела забеременеть. "Это нетипично! - заявила она. - Немедленно устрани!"

- И все таки, несмотря на жестокою цензуру, ты сумел издать десяток повестей, поставить три пьесы... Каким образом?

- Наверное, привлекала искренность изложения и правдивость ситуаций. Что-то, а к конъюнктуре я непричастен, хотя ты и соблазнял меня облегченными путями... Но удалось сказать, конечно, далеко не все, что хотелось.

- А сейчас, по-твоему, можно сказать все?

- Абсолютно. Запретов нет.

- Где же современная серьезная литература? Где она? Взгляни на книжные развалы - чем кормят читателя? Детективы, порнуха, мелодрамы... Засилье пошлятины в ярких обложках. Не так?

- Так. И знаешь, почему? После отмены цензуры издатели, естественно, кинулись на "клубничку". Их можно понять. Им надо выжить в условиях дикой инфляции, а кичевая литература приносит наибольшие доходы. Достоевский, к примеру, ныне убыточен, а примитивный Чейз выгоден. Стихи не котируются, а бездарные переложения телесериалов рас-

купаются. Это издержки первых лет свободного рынка. Ясное дело, что такая издательская политика наносит обществу огромный вред - читатель разучивается думать, превращается в обычного потребителя.

- Так, может, снова вернуться к цензуре, а?

- Бред! Любая цензура, даже самая либеральная, - это насилие над писателем и читателем тоже. Все произойдет естественно - и уже происходит. Книжный рынок уже перенасыщен глянцевыми обложками с суперменами и голыми девицами. Спрос на них явно падает. Уверен, что вскоре их вытеснит подлинная литература. Уже сейчас есть издатель гва, которые выпускают серьезные книги. Скажем, "Северо-Запад". Не погибли и толстые журналы, где появляется немало новинок высокого художественного уровня. Не боится риска и наше Сахалинское книжное издательство. Книжка стихов Людмилы Баженовой тому пример. В плане сборники стихов Романа Хе, Николая Тарасова... ну и наш с тобой роман.

- Я тут ни при чем. Я от этого легкомысленного романа заранее отрекаюсь.

- Да, есть опасение, что многими он будет принят в штыки. Но что поделаешь? Какое время, такой и герой... Беспредел!

- Ладно, ты ответчик. А гонорар поровну.

- Самое грустное (или гнусное?), что беспредел обуял и писательскую

среду. Последние годы отмечены литературными сварями, склоками и таким сутяжничеством, что порой стыд берет за писательское сообщество. Произошло размежевание аж на три лагеря, в каждом из которых исповедуют свое. Это бы ладно, не будь идеологические разногласия тесно повязаны меркантильными интересами...

Многие видные писатели бросились в политику. Результат один - потеря творческого потенциала. Где новые книги талантливого Вадимина Распутина? Их нет. А далекий от политических интриг Виктор Астафьев радует новой прозой. Я глубоко убежден, что место писателя - письменный стол, а не митинговая трибуна. Его мировоззрение должно отражаться в книгах, а не в речах. Только одиночество, самоуглубление над листом бумаги бывает плодотворно.

- Разговорился, однако! Пора кончать.

- В книгах, да и в жизни, ты знаешь, я пытаюсь следовать главной евангельской заповеди: возлюби ближнего. Наверное, это не всегда удается, но это дает постоянный, неизменный настрой души.

- А не боишься, что в ближайшие годы тебе ничего не светит?

- Это ты боишься, а я - нет. Писательство само по себе, пусть даже "в стол", доставляет огромную радость. Может быть, это громко сказано, но я не приемлю духовной немоты, которая сравнима, мне кажется, со смертельным недугом.

- А последнее скажи, пожалуйста, зачем ты подсунил в редакцию свою фотографию аж 15-летней давности?

- Знаешь, не хочу пугать читателей нынешним страховидным обликом...